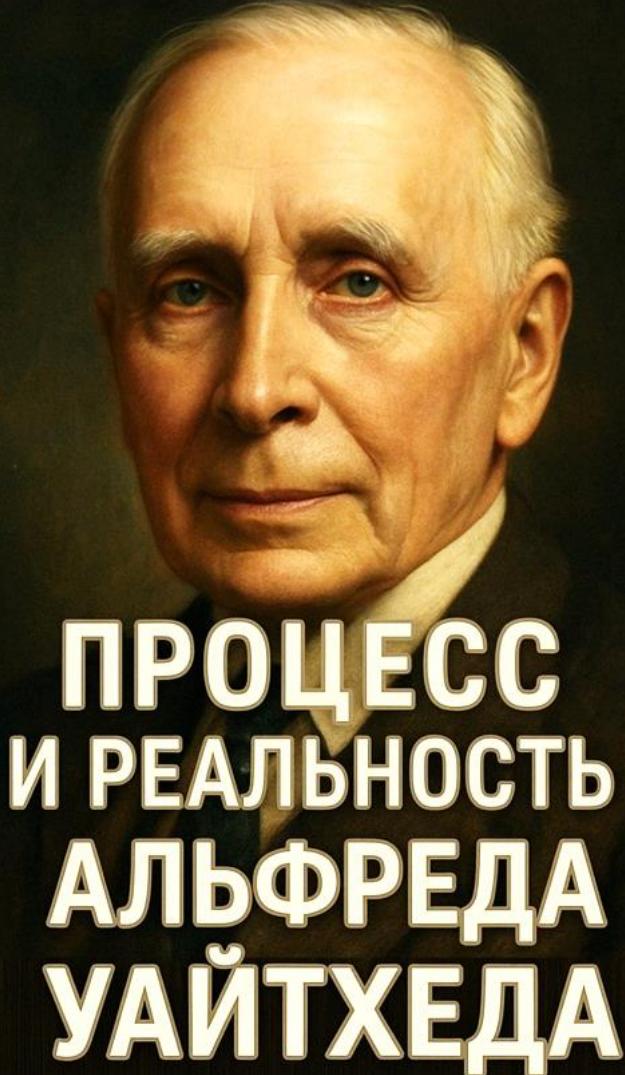

БОРИС КРИГЕР

A portrait of Alfred North Whitehead, an elderly man with white hair and blue eyes, wearing a dark suit and a light-colored shirt. The portrait is set against a dark, textured background.

**ПРОЦЕСС
И РЕАЛЬНОСТЬ
АЛЬФРЕДА
УАЙТХЕДА**

БОРИС КРИГЕР

ПРОЦЕСС
И РЕАЛЬНОСТЬ
АЛЬФРЕДА
УАЙТХЕДА

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Процесс и реальность Альфреда Уайтхеда

Эта книга — приглашение всмотреться в одну из самых необычных философских систем XX века, предложенную Альфредом Нортоном Уайтхедом. Здесь мир раскрывается не как совокупность вещей, не как готовая сцена, где действуют предзаданные объекты, а как бесконечный процесс становления, где каждое событие — это выбор, отклик, творчество.

В книге изложены основные идеи процессной философии Уайтхеда: отказ от субстанций в пользу процессов, понимание времени и пространства как ритмов отношений, новое прочтение природы свободы, ответственности и надежды. Особое внимание уделено его радикальному переосмыслинию образа Бога — не как судьи и архитектора, а как спутника мира, предлагающего возможности, но не лишающего свободы отклика.

Эта философия далеко выходит за границы академической метафизики, открывая новые горизонты для этики, психологии, политики, богословия, экологии. Она предлагает не систему догм, а образ мышления, в котором главное место занимает не контроль и предсказуемость, а участие, терпение, внимание к живому процессу.

Книга написана для тех, кто ищет не простых ответов, а честного разговора о реальности, где боль и надежда, свобода и необходимость, трагедия и возможность — не исключают друг друга, но соединяются в единой ткани продолжающегося становления.

ПРОЦЕСС И РЕАЛЬНОСТЬ АЛЬФРЕДА УАЙТХЕДА

Человек издавна привык рассматривать окружающий мир как собрание вещей, где каждое явление обретает ясные границы и устойчивые очертания. Камень воспринимается как неподвижная масса, дерево — как нечто живое, упрямо тянувшееся к небу, человек — как стоящая фигура, звезда — как сияющий в пустоте огонь. Всё вокруг получает своё имя, свою форму, свою категорию, словно навеки заключено в определённые рамки. Стол кажется предметом, завершённым и надёжным. Кошка — существом, живым и цельным. Солнце — небесным телом, излучающим свет.

Но подобное восприятие остаётся не более чем оптическим обманом разума, привыкшего к покою формы и не замечающего движения самой сути. За привычными словами скрывается совсем иное содержание. Стол, если взглянуться внимательнее, — не неподвижная конструкция, а сложное течение событий, соединённых в краткий миг видимости. Кошка — не просто зверёк, а непрерывный поток жизненных изменений, клубок биологических процессов, непрестанно обновляющий сам себя. Даже солнце, кажущееся неподвижным и вечным, представляет собой не объект, но колоссальный вихрь взаимодействий, в котором водород, сгорая в термоядерной пляске, превращается в энергию, излучающую тепло и свет, пока звезда удерживает зыбкое равновесие, пожирая собственную материю.

Когда мир видится собранием вещей, взгляд обрывается

нить происходящего, цепляясь за отдельные мгновения, словно за застывшие кадры в бесконечной плёнке, не желая признать, что фильм не останавливается ни на секунду. Названия, которыми наделяются предметы, служат лишь обозначениями для тех временных узлов, где поток перемен на миг кажется задержанным, позволив наблюдателю уловить форму, не заметив движения.

Именно Альфред Уайтхед, наблюдая за этой глубокой иллюзией, осмелился сформулировать мысль, едва ли прежде столь радикально и последовательно выраженную в западной философии. В его понимании ничто в мире не существует как завершённое, самодовлеющее "нечто". Всё, что имеет место, — это не статичная сущность, а событие, возникшее в вихре становления. Бытие теряет своё привычное значение, уступая место непрерывному процессу, в котором главное — не существовать, но возникать, изменяться, течь.

То, что принято называть вещами, на самом деле остаётся лишь краткими вспышками относительного равновесия, возникающими на фоне бесконечно движущегося танца процессов, не знающего покоя. Камень, кажущийся неподвижным и твёрдым, представляет собой медленно текущий процесс, растянутый на такие длительные отрезки времени, что изменение в нём трудно заметить невооружённым глазом. Человеческое тело, состоящее из миллиардов клеток, обновляющихся каждое мгновение, движется гораздо быстрее, живя в другом ритме. Молекула воды,

ускользающая в парообразном состоянии, изменяется ещё стремительнее, исчезая и появляясь в каждом колебании материи. Всё различие между привычным образом объекта и сущностью события сводится не к их природе, но лишь к скорости, с которой разворачивается процесс, скрытый за внешней формой.

Даже сама идея Бога, возникающая в размышлениях Уайтхеда, отказывается от образа неподвижной субстанции, отстранённой от мира и замкнутой в своей завершённости. Бог в этом взгляде перестаёт быть всевластным хозяином, диктующим ход вещей, и становится чем-то гораздо более тонким — источником возможностей, предлагающим множественные пути, среди которых сам мир, свободный в своём выборе, решает, каким из них следовать. Здесь нет приказа, нет неизбежности, лишь пространство вариантов, открытое для рождения новых связей и направлений.

Такое понимание размывает прежние основания западной метафизики, привычно державшейся за идею субстанций и вечных сущностей, стоящих за всеми явлениями. Вместо неподвижных начал в центре внимания оказываются отношения, переплетения, направления движения, взаимодействия, в которых реальность непрерывно себя конструирует. В каждом моменте бытия, не замирая ни на мгновение, рождается нечто новое, сплетающее в себе следы уже произошедшего и тягу к ещё не наступившему, соединяя

память прошлого с открытостью грядущего.

Что касается образа Бога в философии Уайтхеда, то именно здесь его система вызывает, пожалуй, наибольшее сопротивление со стороны классической теологии. Его представление о Боге как о соучастнике процесса, как о спутнике становления, который не властвует, не диктует, не навязывает миру исход, но предлагает возможности, ждёт отклика, сохраняет память — звучит на первый взгляд как трогательная попытка соединить философию с человеческой болью, примирить ум с опытом утраты, с неустранимой трагедией бытия. Но именно здесь открывается глубинное расхождение между классической идеей Бога и процессной теологией, которая выросла из мысли Уайтхеда.

Для традиционной теологии Бог остаётся абсолютом, полнотой бытия, неподвижной причиной, сущим, которому не свойственно никакое «становление». Бог вечен, неизменен, совершен. Само включение Бога в процесс, само представление о том, что Бог «переживает», «откликается», «страдает» вместе с миром, воспринимается как подрыв основ классического богословия, как ересь в прямом смысле этого слова, как выход за пределы допустимого. Эта критика звучала и в адрес Гегеля, у которого развитие абсолютного духа через историю показалось многим теологам попыткой подчинить Бога становлению, сделать его зависимым от временного процесса, втянуть вечное в земное, бесконечное в конечное.

Именно на этой грани разворачивается спор, который невозможно разрешить только философским аргументом, потому что в его основе лежит не столько вопрос о структуре мира, сколько вопрос о том, кем может или не может быть Бог. Если принять, что Бог есть совершенство, актус пурус, полнота бытия без недостатка, без изменения, тогда сама идея божественного участия в процессе, идея боли Бога, идея его открытости отклику мира выглядит недопустимой. Вечное не страдает. Вечное не учится. Вечное не ждёт.

Но Уайтхед сознательно идёт на этот разрыв, не случайно называя свою концепцию «богословием предложения», а не власти. Он перестраивает сам способ говорить о Боге, вводя категорию свободы не только на сторону мира, но и в отношения Бога с миром. Бог, в его понимании, не отгорожен от становления, не над процессом, но вписан в ткань становящегося мира — не как один из акторов, но как полюс предложения и как вместилище памяти.

Такое смещение не может не восприниматься как вызов догматической традиции. Это не просто философская корректировка понятий, а выход за границы классической метафизики, в которой Бог не нуждается в мире, не соотносится с его изменениями, не зависит от ответов творения. Для Уайтхеда же именно этот отклик мира, эта свобода ответа оказывается важнейшей чертой всей картины становления. В его системе не может быть авторитарного предопределения, не может быть

всемогущего диктата, не может быть вечного суда, оторванного от переживания мира.

И в этой позиции действительно звучит тот самый гегелевский соблазн — включить Бога в историю, сделать его участником, а не только источником. Но если у Гегеля дух развертывается к самому себе через снятие противоречий, подчиняя всё движению к абсолюту, то у Уайтхеда сохраняется нерешённость, сохраняется открытость, сохраняется возможность, что становление не подчиняется проекту, а остаётся бесконечным приглашением, в котором даже Бог не отменяет свободу мира.

С точки зрения ортодоксальной традиции это и есть главный камень преткновения: Бог перестаёт быть гарантом порядка, перестаёт быть судьёй и становится скорее пастырем, сопровождающим, чем архитектором, навязывающим проект. Здесь размывается разница между творцом и творимым, между силой и откликом, между властью и соучастием. Отсюда обвинения в ереси, и не случайно эти упрёки продолжают звучать в адрес всех направлений процессной теологии.

Такое богословие сознательно выбирает не власть, а диалог, не контроль, а соработничество. Но именно в этом для многих кроется его слабость и неправомочность, ведь отняв у Бога власть, оно, возможно, отнимает и саму его божественность в классическом смысле. Если Бог ждёт, если Бог предлагает, если Бог страдает вместе с миром, остаётся

ли это тем самым Богом, о котором говорит традиция?

Философия Уайтхеда не боится этого вопроса. Она не пытается сделать вид, что разрыва нет. Напротив, она утверждает, что сама идея неподвижного, завершённого Бога несовместима с открытым процессом мира, а значит, выбор между этими двумя образами принципиален. И именно в этом выборе она оказывается на грани между философией и богословием, между предложением нового горизонта и обвинением в ереси.

Уайтхед, оставляя за плечами традицию статичных описаний, приглашает смотреть на мир так, словно глаза открываются впервые, позволяя увидеть не череду законченных вещей, но пульсирующую ткань событий, протянувшуюся во всех направлениях. Мир предстаёт не складом предметов, а живым потоком, где каждый поворот несёт в себе становление, изменение, созидание. Всё вокруг — не завершённая форма, а непрерывное творчество, рождающее новое, не теряя связи с тем, что уже было. Именно в этом видится центральная мысль философии Альфреда Норта Уайтхеда, стремившегося научить смотреть на реальность не как на собрание окончательных форм, но как на бесконечную игру становления.

Столь радикальное смещение взглядов в философии Уайтхеда не возникло из чисто умозрительных построений, не было плодом отвлечённого рассуждения, оторванного от научной картины эпохи. Истоки его процессного подхода уходят в ту точку пересечения, где

философская мысль сталкивается с новейшими открытиями физики и математики, где привычные представления о мире начинают рассыпаться под давлением эмпирических фактов. Обладая математическим образованием, глубоко вникая в научные дискуссии своего времени, Уайтхед не мог не заметить, как рушится ньютоновская вселенная с её строгими геометрическими рамками, с её неподвижным пространством и равномерно текущим временем, отделёнными от вещей, будто сцена от пьесы, на которой разыгрываются события.

Эйнштейн, выстраивая теорию относительности, показал, что само пространство и само время не остаются нейтральным фоном, не являются пустой ареной для взаимодействий, но втянуты в самый водоворот происходящего, способны сжиматься, растягиваться, изгибаться, откликаясь на массу, на скорость, на энергию. Там, где прежде предполагалась надёжная сцена, вдруг обнаружилась подвижная ткань, живая и откликающаяся на присутствие любого участника. Квантовая физика добавила к этому новую глубину сомнения, разрушив последнюю уверенность в том, что мир состоит из твёрдых, определённых частиц. Оказалось, что элементарные частицы скорее напоминают всплески, возмущения в полях, вероятность появления, нежели крохотные шарики, собранные в механический конструктор.

Такие научные открытия заставляли отказаться от старой модели мира, в которой вещи сохраняли неизменность, а изменения мыслились лишь как

внешние воздействия на эти вещи. Даже в объяснении природы Солнца когда-то довольствовались образом огненного шара, затем заменив это описание на представление о плазменной массе, где бушуют термоядерные реакции. Но и эта формула, по сути, сохраняет иллюзию формы. На деле Солнце остаётся ничем иным, как процессом, в котором материя превращается в энергию, где протоны сливаются в гелий, а тепло и свет рождаются из постоянного внутреннего движения. Стоило бы этому движению прекратиться, исчезло бы и само Солнце, утратив не только свою форму, но и саму возможность быть тем, чем оно кажется.

Именно из этой научной почвы прорастает главное философское убеждение Уайтхеда: человек, как и всё остальное в мире, не является завершённой конструкцией, собранной из определённого числа частей, но остаётся процессом, вплетённым в бесконечную сеть становления. Человеческая личность — не замкнутый сосуд, наполненный мыслями, органами, клетками, а поток, в котором память о прошлом, желания, страхи, выборы и случайности сплетаются в единое целое, не переставая меняться. Здесь нет жёсткой границы между «я» и миром, потому что каждое движение снаружи отзывается откликом внутри, каждое внутреннее решение влияет на окружающее.

В этом свете и сами ключевые понятия человеческой жизни раскрываются иначе. Любовь перестаёт быть вещью, которой можно обладать, не является ни

трофеем, ни имуществом, ни окончательно установленным состоянием. Любовь — это встреча, напряжённый процесс отклика, открытость другому, путь, на котором обе стороны меняются, слушая и отвечая. Общество, привычно описываемое через понятия структуры, иерархий, статуса, оказывается не собранием фиксированных позиций, но пульсирующей динамикой отношений, где сила и форма зависят от движения, от гибкости связей, от ритма взаимодействий.

Даже истина в такой картине утрачивает статус неподвижного монумента, перестаёт быть застывшей формулой, однажды найденной и навсегда установленной. Она становится поиском, уточнением, движением к большему пониманию, которое никогда не бывает окончательным. Это не опора на догмат, но постоянный диалог с опытом, готовность корректировать и пересматривать.

Такое понимание требует переосмыслить не только физическую картину мира, но и этическое отношение к жизни. Больше не получается навсегда приклеить к человеку ярлык «хороший» или «плохой», потому что каждый человек есть не результат, а становление, путь, в котором возможно изменение, рост, отказ от прежнего и открытие нового. Законы и нормы теряют жёсткость, если их пытаются воспринимать вне времени и контекста, ведь всё, включая мораль, живёт в движении, в истории, в обстоятельствах, которые не стоят на месте. Этика в таком мире превращается из списка запретов в искусство сопровождения, в чуткое внимание к тому, как разворачивается жизнь другого, в уважение к

незавершённости, в понимание, что каждый находится в процессе, каждый становится.

Альфред Норт Уайтхед никогда не стремился к разрушению привычных систем так, как это делали мыслители, врывающиеся в философию с громкими манифестами, с пафосом борьбы и отрицания. Он не действовал в духе Ницше, возвестившего смерть Бога, или Маркса, зовущего к свержению строя. Уайтхед выбрал иной путь — без спешки, без драматических жестов предложил просто изменить угол зрения, не опрокидывая стол, за которым столетиями велись метафизические споры, а аккуратно развернув его карту, чтобы взглянуть на мир не как на собрание того, что «есть», но как на постоянное течение происходящего.

Такое смещение не следует понимать как образное украшение, как метафорическую игру. Здесь нет попытки украсить действительность красивым сравнением, напротив, за этой сменой очков стоит серьёзное усилие увидеть саму структуру реальности такой, какой она предстаёт в свете новых научных открытий и философского размышления. Для этого Уайтхеду потребовалось создать собственный язык, выстроить словарь, позволяющий говорить о процессах, где прежние слова неизбежно подводят, слишком привычно скатываясь к образам неподвижного и законченного.

Центральным элементом этого словаря становятся актуальные единицы — *actual occasions*. Их часто

называют атомами реальности, но здесь следует быть осторожным, чтобы не попасть в ловушку ассоциаций с атомами физики XIX века, с их представлением о мире как о механическом конструкторе из неподвижных частиц. Актуальные единицы — это не строительные блоки, не кирпичи, из которых выложено бытие. Скорее, это мгновения событийности, вспышки становления, точки, в которых встречаются отпечатки прошлого, открывающиеся возможности будущего, влияния других процессов и собственный выбор. Каждая из таких единиц — не вещественный объект, а переживание, отклик, динамическое соединение восприятия и ответа. Они не существуют в изоляции, не замыкаются в себе, потому что их природа — происходить, отвечать, взаимодействовать.

Процесс рождения каждой актуальной единицы описывается через то, что Уайтхед называет *prehension* — схватывание, вбириение, захват. Это не просто восприятие, если понимать под восприятием пассивное отражение внешнего. Скорее, это активное присвоение опыта других событий, принятие в себя их следов, отпечатков, влияний. Каждое новое событие рождается, впитав в себя прошлое, но перерабатывая его творчески, создавая нечто иное, не сводимое к механическому повторению. Ничто не возникает из пустоты, всё имеет корни в том, что уже было, однако каждое новое событие остаётся местом, где возможно нечто непредсказуемое, где открыто пространство для выбора.

Чтобы объяснить, почему процесс не сводится к простой цепочке воспроизведения, почему всегда сохраняется

шанс на новизну, Уайтхед вводит ещё одно ключевое понятие — вечные объекты, *eternal objects*. Эти формы, эти возможности порядка нельзя отыскать в мире как предметы, их нельзя увидеть глазами или коснуться рукой. Вечные объекты — это схемы, паттерны, способы организации опыта, которые могут быть выбраны, чтобы структура события оформилась определённым образом. Цвет, форма круга, ритм, симметрия — всё это примеры таких возможностей. Они не принуждают событие к какому-то определённому виду, но всегда доступны для выбора, предлагая из множества возможных комбинаций ту, которая станет узором конкретного мгновения.

Образ меню может быть полезен для того, чтобы приблизиться к пониманию этой идеи: вечные объекты — не повара, не режиссёры процесса, а скорее перечень доступных ингредиентов или музыкальных тем, из которых каждое событие выбирает то, что необходимо именно ему для своего воплощения. Меню не диктует, но приглашает.

В этом контексте особое место занимает фигура Бога в системе Уайтхеда. Бог здесь не является повелителем или создателем, не стоит над процессом как внешний законодатель. Напротив, Бог становится тем, кто хранит поле возможностей, источником порядка, полюсом всех вечных объектов, тем, кто предлагает миру пространство выбора, не предопределяя, как именно выбор будет сделан. Мир остаётся свободным, каждая актуальная единица принимает решение, каким способом использовать предложенное.

Однако Бог в философии Уайтхеда не ограничивается функцией хранителя форм. Эта мысль оборачивается ещё одной смелой позицией: Бог не остаётся в стороне, не наблюдает бесстрастно за происходящим. Он вбирает в себя всё, что происходит в мире, переживает вместе с миром, отвечая на каждое событие. Здесь Бог — не часовщик, заведший механизм и ушедший прочь, а партнёр в процессе, соучастник становления, откликающийся на движение реальности.

Эта система звучит на первый взгляд почти как поэтическое высказывание, но у Уайтхеда это не случайность. Он полагал, что истина требует не только точности, но и красоты. Мир, который он описывает, предстоит не как холодная машина, не как замкнутый механизм, но как произведение искусства, находящееся в бесконечном процессе создания. И в этом непрерывном сотворении участвуют все: каждое событие, каждая вспышка опыта, каждая актуальная единица, Бог, вечные объекты, всё вплетено в единую ткань, где нет остановки, где нет окончательного результата, где быть — значит становиться.

Когда взгляд останавливается на ребёнке, который растёт, меняется, пробует, ошибается, вновь ищет свой путь, становится ясно: перед глазами не объект, не статичная сущность, но открытый процесс, не знающий окончательной формы. Любовь, в таком свете, перестаёт быть обладанием, она не сводится к тому, что можно удержать или присвоить. Любить — значит участвовать,

становиться частью события, входить в непрерывное сотворение, где встречаются два течения, два движения, два стремления. Когда на горизонте медленно рождается рассвет, окрашивая небо в зыбкие переливы, это не просто смена освещения, не механическое переключение дня и ночи, а акт становления, событие, разворачивающееся здесь и сейчас.

Именно в таком внимании к процессуальном характеру бытия открывается сердце философии Альфреда Норта Уайтхеда. Корень его расхождения с основной линией западной мысли лежит в том, что он отказывается признавать существование субстанций, отвергает идею неизменных сущностей, вокруг которых столетиями строились системы знания и здравого смысла. Там, где классическая метафизика, начиная с Аристотеля и доходя до Ньютона, настаивала на устойчивых носителях свойств, на чём-то, что «есть» и благодаря этому сохраняет самотождественность, Уайтхед видит лишь процессы, лишь события, лишь взаимные отклики.

В традиционной картине мира каждое явление получало свою сущность через набор признаков: стол остаётся столом, пока сохраняет форму, материал, предназначение; камень остаётся камнем, пока тяжёл, плотен, неподвижен. Но стоит дереву сгнить, стоит столу разрушиться или сгореть — исчезает и сама их «сущность», исчезает то, что считалось неизменным. Где искать стол, если от него не осталось ни одной щепки? Где камень, если он рассыпался в пыль? Очевидность субстанции оказывается иллюзией удобства, привычным, но не истинным способом описания

происходящего.

Эту иллюзию долго поддерживал материализм нового времени, унаследовавший от прежней метафизики склонность заменять «сущности» понятием материи — пассивной, инертной массы, подчинённой внешним силам, движимой законами, но лишённой собственной активности. Всё разнообразие мира сводилось к разным комбинациям атомов, а сами атомы представлялись последними, неделимыми кирпичами мироздания. Однако в XX веке научная картина мира пошатнулась. Квантовая механика показала, что частица — это не крошечный шарик, но облако возможностей, вероятность, всплеск вероятности в поле. Общая теория относительности, разрушая представление о пространстве и времени как о пустом фоне, вписала их в сам процесс взаимодействий материи и энергии, показав, что сцена и действие — неразделимы.

Уайтхед оказался среди тех, кто сумел услышать этот вызов науки и перенести его из физической модели в самую сердцевину философского мышления. Там, где одни видели поправку к частной теории, он увидел принцип, годный для универсального описания реальности. Мир, утверждал он, не состоит из вещей, мир складывается из событий. Не субстанции определяют существующее, но отношения, переплетения, движения, отклики.

Такое понимание не просто расшатывает привычные представления — оно переворачивает само основание

мышления. В классической картине объект самодостаточен, он существует независимо от других, причины выступают как толчки извне, время течёт как пустая линейная шкала, по которой бегут события, не затрагивая саму шкалу. Уайтхед предлагает другой взгляд: здесь нет изолированных объектов, потому что каждое событие связано с другими через схватывание, через prehension, вбирая в себя их следы, их отпечатки, их влияние. Причина перестаёт быть внешним толчком и превращается в участие, во взаимодействие, в отклик. Время обретает ритм становления, перестаёт быть простой последовательностью и становится музыкой появления, пульсацией возникновения.

Эти различия не ограничиваются теоретическим уровнем. Они меняют отношение к человеку, к обществу, к знанию, к Богу. Человек, в таком понимании, не сохраняет идентичность в форме субстанции, он не «имеет» сущность, он ею становится. Сказать, что вчера был один человек, а сегодня другой, — это не образ, не удобная фигура речи, но точное описание процесса, в котором личность перестаёт быть контейнером для набора качеств и оказывается процессом, всегда незавершённым, всегда в пути.

Из этого взгляда вытекает практическое следствие, затрагивающее этику, политику, научное знание, образ мира. Если нет фиксированных сущностей, если всё находится в движении, нельзя строить этику на ярлыках, объявляя одних людей навсегда «хорошими», других «плохими». Человек — не ярлык, не тип, но событие, разворачивающееся во времени, меняющееся, способное

к другому выбору, к иной реакции. Общество не может мыслиться как структура, собранная из индивидуумов, подобно механизму из деталей. Оно всегда есть поток отношений, сеть взаимодействий, где границы размыты, а движения продолжаются.

Даже наука, если смотреть глазами процессной философии, перестаёт быть собранием вечных законов. Её описания — это история уточняющихся формулировок, попыток нашупать ритмы и паттерны в мире, который сам никогда не бывает полностью завершённым. Бог, в такой системе, отказывается быть удалённым архитектором, завёдшим механизм и наблюдающим издали. Он остаётся включённым в процесс, предлагает формы, но не диктует их выбор, сопереживает миру, откликаясь на происходящее.

Мир в этой философии перестаёт быть машиной, перестаёт быть храмом с выстроенной раз и навсегда архитектурой. Он становится танцем, музыкой, сплетающейся из непрерывного становления, из ответов, из созидания. Здесь каждый акт бытия — не повторение старого, но новое прикосновение к возможности, новое рождение формы из взаимодействия, из памяти, из открытости.

Если отказаться от представления о мире как о складе вещей и согласиться с тем, что всё вокруг — не собрание субстанций, но сеть процессов, не застывших объектов, а становящихся событий, то вопрос о свободе открывается с совершенно иной стороны. Он перестаёт

быть спором между двумя привычными крайностями — между механистическим детерминизмом, рисующим вселенную в образе бильярдного стола, где каждый шар толкает следующий, и произвольным волюнтаризмом, в котором свобода кажется капризом, случайностью, беспочвенным «могу захотеть чего угодно». В классической материалистической картине мира свобода не находит места, поскольку каждое движение, каждое изменение оказывается полностью объяснённым предыдущими толчками, вся реальность оказывается предопределённой, только человеческому глазу недоступен полный расчёт. И всё же, если бы такая схема оставалась верной, неоткуда было бы взяться новизне. Эволюция, появление неожиданных форм жизни, творческие порывы мысли, изобретение, внезапное открытие — все эти явления не укладываются в образ точного воспроизведения заранее написанного сценария.

Именно в этой точке Уайтхед предлагает иной взгляд. Свобода для него не случайность и не пустота. Свобода в его философии не отрицает обусловленности, но и не растворяется в ней полностью. Здесь каждое событие, рождаясь, обязательно принимает в себя прошлое, но не как пассивный реципиент, не как сосуд, в который что-то вливают. Оно вбирает отпечатки других событий, схватывает их через *prehension*, но делает это активно, перерабатывая, отзываясь, выбирая. В этой встрече с прошлым событие не обязано повторять чужие ходы, не обязано следовать единственно возможному пути. Прошлое очерчивает пространство вариантов, ограничивает меню выбора, но не сводит его к одной-единственной неизбежной опции.

Именно поэтому каждое событие в системе Уайтхеда становится точкой, где встречаются необходимость и возможность. Оно не свободно в произвольном смысле, но всегда обладает полем решений. Как художник, который не может писать без красок, но может выбирать, какие именно оттенки положить на холст, какое соотношение линий и форм выбрать. Как композитор, который не отменяет законы гармонии, но внутри их создаёт мелодии, которых до этого не существовало. Эта свобода не разрушает обусловленность, не отменяет влияния прошлого, но и не подчиняется ему полностью.

Особенность такой свободы в том, что она не дана вне процесса, не существует как добавленная сверху способность. Она встроена в саму ткань бытия, принадлежит каждому акту становления. Каждый момент бытия — это не только продолжение линии, но и новое решение, в котором соединились следы прежнего и открытость к тому, чего ещё не было. Даже если большинство выборов совершаются по инерции, даже если многое повторяется, принцип возможности не исчезает, оставаясь структурной чертой самой реальности.

Даже фигура Бога в этой философии не становится источником предопределённости. Бог не навязывает выбора, не приказывает событиям, не заставляет их следовать заранее определённой траектории. Бог — это полюс предложений, источник возможных форм, вечных объектов, тех структур, которые могут быть выбраны, но

выбор остаётся за самими событиями, за самими процессами. Бог предлагает, но не диктует, увлекает, но не заставляет. Бог присутствует в каждом акте становления не как архитектор с чертежом, но как партнёр в творчестве, как соучастник, открывающий пространство для свободы.

Именно поэтому в системе Уайтхеда не существует абсолютного предсказания. Будущее не разворачивается из прошлого по жёсткой механической логике, потому что в каждом моменте есть место для нового, для выбора, для творческого отклика на предложенное. Предсказуемость сохраняет смысл лишь как вероятностная оценка, но не как гарантия. Рядом с высокой вероятностью всегда остается возможность неожиданного выбора, новой комбинации, другого исхода.

Человек, в этой системе, оказывается не исключением из природы, не особым существом, которому магически подарена свобода воли в мире, где всё остальное подчинено жесткому закону. Свобода — не каприз, не аномалия, но общий способ существования реальности. Просто на уровне человека это поле выбора становится особенно сложным, насыщенным культурой, рефлексией, памятью, языком, историей. Однако суть остается прежней: свобода — это не разрыв с миром, не выход за его границы, а ответ на мир, творческая переработка того, что предложено.

Свобода у Уайтхеда — это не воля против условий, а

способность сотворить нечто своё внутри условий. Это не произвол, но творчество. Как поэт, пишущий строку, которой прежде не было, но пишущий на языке, который уже существует. Как музыкант, исполняющий вариацию на старую тему, но наполняющий её своим дыханием, своим тембром, своим решением. Именно так устроена вселенная: не как законченная картина, не как замкнутый механизм, а как партитура, вновь и вновь разыгрываемая с вариациями, с изменениями, с нюансами, с ответами на предыдущие ходы.

В этом понимании каждый выбор, даже самый малый, оказывается не просто случайной точкой на линии причин и следствий, но актом, в котором пересекаются прошлое, предложенные возможности и собственное творческое решение. И в этом решении, пусть даже почти незаметном, присутствует нечто космическое. Именно потому, что в нём сходятся Бог, мир и свобода, раскрывая перед каждым событием не только необходимость повторения, но и шанс сказать новое слово.

Если мир — не заранее смонтированный фильм, где каждая сцена предопределена, где роли раз и навсегда распределены, а если мир — это импровизация, непрерывное сотворение, каждое мгновение которого имеет значение, тогда сама идея этики требует пересмотра. В пространстве, где нет фиксированных субстанций, где всё, что существует, — это процессы, отклики, события, не может удержаться и старая мораль, строившаяся на допущении вечных сущностей, на уверенности, что человек есть нечто определённое,

завершённое, подлежащее оценке как «хорошее» или «плохое». Здесь нет места для окончательных приговоров, для ярлыков, которые навсегда запирают другого в клетке одного определения. Здесь не существует зла как присущего качества, так же как не существует и добра как застывшего состояния. Всё, что можно увидеть, — это пути, движения, направления, процессы, находящиеся в разной степени раскрытости, зрелости, гармонии.

Именно из такого понимания вырастает процессная этика — не этика осуждения, не этика ярлыка, но этика участия, этика сопровождения. Она не ставит задачу определить, кто есть кто, не требует разделить мир на правых и виноватых, не настаивает на отсеивании и наказании как способе навести порядок. Эта этика смотрит на другого как на становление, как на незавершённый акт, как на существо в движении, где каждый следующий шаг остаётся открытым, где всегда остаётся возможность для нового выбора. Даже если прошлое полно ошибок, даже если предыдущие шаги оказались разрушительными, никто не сводится окончательно к их итогу. Прошлое оставляет след, но не определяет без остатка.

Поэтому главной задачей этики в таком мире становится не суд, а поддержка процесса, помочь в том, чтобы следующий шаг был лучше предыдущего, чтобы возможность выбора не иссякала. Это не значит отменить ответственность, не значит закрыть глаза на вред или зло. Но ответственность здесь перестаёт быть карательной машиной и превращается в форму отклика,

в готовность участвовать в исправлении, в сопереживающее включение в процесс перемен. Там, где старая мораль довольствовалась наказанием, процессная этика ищет способы соучастия в восстановлении, в росте, в движении вперёд.

В таком взгляде и политика перестаёт быть управлением механизмом, перестаёт быть распределением ролей в заранее заданной структуре. Если общество мыслится не как схема из индивидов, зафиксированных в своих границах, а как поток отношений, как сеть взаимодействий, тогда справедливость обретает иной смысл. Это уже не просто поддержание порядка ради порядка, не слепое следование закону ради самого закона, а способность создавать пространство для свободы, для творчества, для многообразия откликов. Ограничение здесь может быть необходимо, но оно перестаёт быть финальным ударом, перестаёт ставить точку. Даже там, где приходится защищать одних от разрушительных действий других, целью остается не месть и не уничтожение, а поиск формы, в которой движение к лучшему остается возможным.

Это мышление не опирается на наивную веру в безусловную доброту человеческой природы. Оно не закрывает глаза на разрушительность, на искажения, на жестокость. Но оно отказывается признавать кого-либо исчерпанным своим прошлым. Каждый человек, каждое существо остается не завершённой конструкцией, но местом, где прошлое соединяется с открытым будущим, где всегда сохраняется шанс для нового акта становления.

Отсюда и понятие вины теряет свой прежний вес. Вина в мире вещей предполагает завершённость, предполагает точку, после которой остаётся только фиксированное осуждение. Но если всё — процесс, если всё продолжает становиться, вина перестаёт быть клеймом. Она остаётся памятью о выборе, который повлёк за собой разрушение, но вместе с тем открывает вопрос: какой выбор будет сделан дальше, как возможен иной отклик, какое продолжение станет ответом на содеянное.

Такое понимание этики неизбежно включает и новую фигуру Бога. Здесь нет образа судьи, карающего и вкладывающего. Бог у Уайтхеда — это не вершитель приговоров, не источник страха. Это собеседник мира, партнёр процесса, тот, кто предлагает возможности, но не навязывает их, кто ждёт отклика, кто хранит память обо всём, что произошло, не отвергая ни одного выбора, но приглашая к новому движению, к новому выбору, к новому акту творчества.

Эта этика — не система правил, не набор окончательных запретов. Это искусство быть рядом, слушать, видеть не только то, что есть, но и то, что может быть. Это не война за идеальные формы, не стремление раз и навсегда очистить поле от «дурного». Это труд сопровождения, уважение к неоконченности, готовность верить в возможность другого шага, даже если вчерашний оказался ошибкой.

Если искать моральную формулу, которая могла бы выразить дух этой философии, она звучала бы не как приказ, а как приглашение: помоги становлению другого раскрыться. Поддержи пространство, где возможен выбор. Не ставь точек там, где ещё могут звучать новые слова. Оставь дверь открытой для продолжения, для следующего акта отклика, для следующей ноты в бесконечной импровизации мира.

Если всерьёз принять, что всё сущее — не совокупность вещей, но ткань процессов, если смотреть на реальность не как на склад готовых результатов, а как на бесконечную сеть становления, тогда привычные представления о таких сферах, как искусство, наука, религия, приобретают совершенно иной смысл. Они перестают быть областями окончательных достижений и раскрываются как формы живого участия в общем движении мира.

Искусство, в традиционной картине, часто мыслится как объект, как итог труда, как нечто, что можно повесить на стену, поставить на пьедестал, сохранить в записи. Картина, висящая в музее, скульптура на постаменте, симфония, зафиксированная в нотах или на носителе, кажутся завершёнными, законченными произведениями, к которым можно подойти, посмотреть, оценить. Однако с позиции процессной философии Уайтхеда это лишь одна сторона, внешняя оболочка, а не суть искусства. Искусство в этом понимании не существует как вещь. Оно живёт в событии встречи, в том, что происходит

между произведением и воспринимающим, между замыслом и его восприятием. Картина становится живой не на холсте, но в взгляде, который её встречает, в том переживании, которое рождается в этом контакте. Музыка обретает своё бытие не в бумажных нотах, но в звучании, в том, как волны звука входят в слух, как они отзываются в теле, в памяти, в чувстве.

Поэтому искусство, в таком взгляде, не завершено ни в момент создания, ни после. Оно не обладает конечной формой, оно всегда продолжается в каждом новом восприятии, в каждом новом отклике. Каждый, кто смотрит, слушает, чувствует, становится соавтором этого события, потому что именно в их восприятии произведение рождается вновь. Искусство — не объект, а процесс, не итог, но живая встреча.

Наука, в этом контексте, оказывается устроена так же. Там, где чаще всего воображают её как собрание фактов, законов, формул, окончательно объясняющих устройство мира, Уайтхед предлагает видеть другое. Для него, как для математика, хорошо знакомого с логикой и структурой научного знания, наука — это не кладовая абсолютных истин, не архив окончательных открытий. Это способ упорядочивания опыта, способ поиска схем, которые работают, которые помогают схватывать ритмы и связи реальности. Но эти схемы не абсолютны, не вечны. Они хороши ровно настолько, насколько позволяют ориентироваться в текущей сложности мира, и неизбежно требуют уточнения, пересмотра, переосмыслиния. Наука движется не к финальной формуле, но вперёд, шаг за шагом перестраивая свои

модели, вплетая в них новые данные, новые события, новое понимание. Это не завершённая система знаний, а открытый диалог с реальностью, где каждая гипотеза — приглашение к дальнейшей проверке, к уточнению, к развитию.

Религия в таком видении также теряет свою привычную форму догматической системы. Она перестаёт быть набором правил и окончательных убеждений, перестаёт утверждать, будто всё уже решено и известно. Религия, по Уайтхеду, становится способом переживания мира как открытого процесса, в который включён и Бог. Это не страх перед высшей силой, не подчинение воле внешнего повелителя, а доверие к тому, что события мира не случайны, что в них есть возможность смысла, гармонии, роста. Бог здесь — не источник приказов, не вершитель судеб, а собеседник становления, тот, кто предлагает лучшее из возможного, оставляя миру свободу принять это предложение или отвергнуть. Религия перестаёт быть рассказом о власти и наказании, превращаясь в искусство гармонизации свободы и возможностей, в способ открыться новизне, в доверие к творческому потенциалу мира.

В этом круге понятий возникает особое у Уайтхеда понимание красоты. Она перестаёт быть свойством вещи, перестаёт быть особенностью формы как таковой. Красота не принадлежит объекту, она не замыкается в симметрии или в пропорциях. Красота — это переживание плодотворного становления, это момент, когда встречаются свобода выбора и структура возможностей, когда из этого союза рождается нечто

новое, не случайное, не хаотичное, но осмысленное, наполненное гармонией. Красота — это отклик, это событие, в котором присутствует удовлетворённость бытием, радость полноты, чувство, что процесс развивается не вслепую, но удачно соединяет свои элементы, рождая нечто цельное.

Именно поэтому красота никогда не бывает окончательной, не превращается в статичную отметку «совершено». Она живёт в каждом новом рождении смысла, в каждом удачном повороте становления, в каждом отклике, где свобода не нарушает порядок, а укладывается в него с изяществом, с гармонией. Красота всегда событие, всегда встреча, всегда живой процесс.

Так раскрывается общая ткань того, что обычно разделяют на разные сферы: искусство, наука, религия, эстетика. У Уайтхеда это не отдельные области, не разрозненные дисциплины, а разные стороны одного и того же — процесса отклика, процесса становления, процесса творчества. В основе всего — не вещи, не результаты, а отношения, события, выборы. В основе всего — не механика, но организация творчества.

И потому философия Уайтхеда не метафизика субстанций, не система классификаций готового, но мышление, открытое становлению, внимательное к каждому моменту, где рождается новое. Это философия, которая видит мир как искусство, как науку, как религию, соединённые в общем ритме процесса, в общей музыке отклика.

Мир не возведён раз и навсегда, не завершён, не застыл в готовой форме. Он строится, и это строительство не проходит мимо человека, не совершается где-то вне его поля зрения. Здесь никто не остаётся сторонним наблюдателем, отстранённым очевидцем чужой работы. Каждый, кто живёт, кто мыслит, кто выбирает, неизбежно оказывается участником этого процесса, включён в саму ткань становления, в ту работу мира, которая не прекращается ни на мгновение.

Редукционизм, знакомый всякому, кто хоть однажды пытался что-то объяснить, обещает лёгкий путь к пониманию. Его сделка проста и соблазнительна: разложи сложное на части, разберись, как устроена каждая из них, и в этом расщеплении ты найдёшь истину. Человек сводится к телу, тело — к молекулам, молекулы — к атомам. Любовь объясняется химией мозга. Общество — арифметикой действий отдельных индивидов. Всё многообразие мира будто бы поддаётся анализу, если только достаточно усердно расчленить целое на элементы.

Этот путь кажется удобным. Он даёт иллюзию контроля, иллюзию ясности там, где жизнь постоянно ускользает. Но философия Уайтхеда, построенная на внимании к процессу, отказывается идти на такую сделку. Она не соглашается на размен целого ради объяснения частей, потому что в самом этом размене теряется главное — исчезает то, ради чего вообще стоит смотреть, слушать, размышлять.

Причина проста: целое — не сводится к сумме своих частей. Сложность не разбирается до конца через анализ составляющих. В рождении нового всегда присутствует нечто, чего не было в этих частях по отдельности. Симфонию можно расписать на ноты, но музыка не живёт в отдельных звуках. Радуга не раскрывается в химической формуле цвета. Восторг, боль, любовь не поддаются редукции к механике нейронов, хотя и проходят через их биологическую ткань. Жизнь не складывается из деталей, как игрушка из конструктора. Жизнь — это становление, в котором выбор, отклик, взаимодействие рождают нечто, что не выводится из наличия деталей.

Редукционизм, фиксируясь на составе, неизбежно упускает становление. Он спрашивает: из чего это сделано? Но не задаёт вопроса: как это стало собой? Это разные вопросы, обращённые к разным картинам мира. Первый подходит для механизмов, для машин, для вещей, чьё поведение определяется внешним законом. Второй необходим там, где речь идёт о жизни, о событиях, о процессе, в котором каждая новая вспышка бытия оказывается не просто продолжением, но творческим ответом, переработкой, выбором.

Именно здесь Уайтхед обнаруживает слабость редукционистского подхода, который не способен объяснить даже самые простые проявления живого. Ведь даже одноклеточная амёба — не марионетка в руках обстоятельств, не автомат, не бездумный набор реакций.

Она выбирает направление, находит способ откликнуться на внешний импульс, не просто пассивно подвергаясь воздействию, но проявляя активность, пусть и на уровне, далёком от человеческого сознания. В этом выборе, в этом отклике уже содержится то, что редукционизм не способен заметить: свобода интеграции, свобода ответа, свобода становления.

Редукционизм мыслит прошлое как диктатора будущего, как жёсткую линию предопределённости, в которой нет места для неожиданности. Процессная философия Уайтхеда отвечает: прошлое предлагает, но не приказывает. Оно очерчивает поле возможного, но не сводит это поле к единственной тропе. В каждом новом событии сохраняется пространство для творчества, для иного выбора, для нового ритма.

Поэтому Уайтхед не отвергает науку, но отказывается делать её последним словом в объяснении мира. Наука в его понимании остаётся важнейшей формой человеческого опыта, необходимым путём к построению моделей, которые позволяют ориентироваться в сложности происходящего. Но эти модели — не само становление, не сама жизнь. Наука даёт схемы, карты, вероятности, но становление мира не подчиняется схеме, оно не исполняет заранее написанный сценарий, не следует строго прописанному маршруту. Оно импровизирует, дышит, изменяется.

Отсюда и враждебность процессной философии по отношению к попыткам объяснить всё через физику,

химию или биологию, игнорируя тот факт, что мышление, любовь, сознание, культура живут в иной логике, в логике отклика и выбора, в логике процесса, а не конструкции. Попытка описать сознание через работу нейронов оказывается неадекватной не потому, что физика мозга не имеет значения, но потому, что сознание — это не вещь, возникшая в мозгу. Это процесс переживания, включённый в тело, но не замкнутый в нём. Это то, что рождается в отклике, в отношении, в истории событий, а не в расположении молекул.

Объяснять смысл романа химическим анализом чернил — абсурд, и именно в этом абсурде раскрывается несостоительность редукционизма. Части важны, но целое — это не их простая сумма. Целое — это событие, целое — это выбор, целое — это отклик, творчески перерабатывающий своё прошлое и открытый к новому.

Поэтому в мире Уайтхеда не может быть абсолютного расчёта, не может быть окончательной формулы, не может быть полной предсказуемости. Становление не сводится к исполнению плана. Мир открыт, он живёт в ритме импровизации, где каждый следующий шаг зависит от отклика, от выбора, от соединения необходимости и свободы.

И если принимать эту картину всерьёз, задача человека меняется. Она перестаёт быть стремлением схватить всё в сеть объяснений, перестаёт быть попыткой построить завершённую модель. Задача становится искусством участия: услышать дыхание мира, войти в его музыку,

ответить на его становление не как сторонний зритель, но как соучастник. Быть частью этой импровизации, не запирать реальность в схемах, а поддерживать её живое течение, помогать рождению нового, не мешать свободе встречаться с возможностью.

Чтобы по-настоящему почувствовать, насколько необычен поворот, сделанный Уайтхедом, важно не просто вчитаться в его тексты, но увидеть, против какой традиции они выстраиваются, какой способ думать о мире оказывается поставлен под сомнение. Философия Уайтхеда вступает в полемику не с отдельными идеями, но с целым способом задавать вопросы о бытии, с тем устройством западной метафизики, которое, начиная с античности, настойчиво спрашивало прежде всего: что это есть? что это за вещь? какова её сущность?

В центре этой традиции стоит представление о субстанции как первичном начале. Аристотель выстраивал мир как собрание субстанций, каждая из которых определяется через свою форму. Материя сама по себе для него — только возможность, только то, что требует оформления, чтобы стать чем-то определённым. Стол — не просто дерево, но дерево, приведённое к форме стола. Сама идея становления, у Аристотеля, остаётся подчинённой этому замыслу: движение — это не рождение нового, а лишь перемещение или изменение того, что уже есть. Процесс становится вторичным, придатком к сущности, чем-то, что происходит с вещами, но не определяет их природу.

Именно здесь Уайтхед делает первый поворот. Он отказывается признавать субстанции, выносит за скобки само понятие устойчивой сущности. Нет ничего, что было бы в основе как неподвижное ядро. Есть только процесс, только становление, только событие, в котором форма возникает не как оформление чуждой ей материи, а как результат отклика, как плод взаимоотношения. Важно не то, чем нечто является, а как оно становится собой. Становление перестаёт быть вторичным и оказывается в самом центре картины мира.

Декарт, продолжая линию разрыва, вводит жёсткое разделение духа и материи, *res cogitans* и *res extensa*. Мыслящее и протяжённое оказываются разведены на два мира, соединённые друг с другом неясным мостом. Человек, в этой схеме, оказывается двойственным существом, дух заключён в тело, как пилот в машину, а остальная природа превращается в мёртвый механизм, чуждый сознанию, лишённый всякой чувствительности. Природа в такой картине — сцена, где действуют бездушные автоматы, а душа — что-то противоположное этой механике.

Уайтхед разрушает и эту границу. Для него сам вопрос о резком разделении духа и материи теряет смысл, потому что вся реальность, на любом уровне, пронизана переживанием, откликом, хотя бы зачаточной формой отношения к другому. Нет мёртвого мира вещей и живого мира духа. Есть только сеть взаимодействий, где каждый акт включает в себя выбор, восприятие, схватывание отпечатков другого. Материя перестаёт быть пассивной массой и оказывается участником

творческого процесса.

Кант предложил другую линию: не разделять душу и тело, но признать, что человек не имеет доступа к вещам как таковым, к «вещам в себе». Всё, что возможно знать, ограничено рамками восприятия, структурой пространства и времени, категориями рассудка. Здесь мир не столько есть, сколько представлен человеку через фильтры его познавательных способностей. Разум, по Канту, навязывает миру свою схему, чтобы сделать хаос чувственных данных осмысленным.

Но Уайтхед и здесь не остаётся в границах предложенной схемы. Он не ищет за пределами явлений скрытых вещей-в-себе. Он говорит: всё, что существует, — это сами события, сами акты становления, и нет нужды искать за ними некий скрытый фундамент. Но эти события не просто конструируются субъектом. Каждый акт становления вбирает в себя прошлое, но делает это не как пассивный получатель впечатлений, а как активный участник, интегрирующий, выбирающий, откликающийся. Здесь нет универсальной матрицы разума, одинаковой для всех. Каждый акт бытия сам решает, как соединить то, что было, с тем, что может стать.

Против Гегеля, который видел в движении мира путь к снятию противоречий, к полному самопознанию духа, к окончательной логической завершённости, Уайтхед выставляет совсем другой образ. У него нет телеологии, нет большой цели, ради которой движется история. Мир

не движется к абсолютизму, не идёт к полной самопрозрачности. Здесь нет единого финала, нет последнего аккорда, за которым настанет вечное молчание. Становление не проект, не система с финальным отчётом. Каждый акт — это не шаг к итогу, а ценность сам по себе, событие, имеющее смысл в своём собственном присутствии, в своём собственном рождении.

Близкими к этой позиции оказываются некоторые мотивы Ницше и Бергсона, которые тоже отвергали картину мира как механизма. Ницше, утвердив волю к власти как силу становления, и Бергсон, говоривший о жизненном порыве, *élan vital*, подошли к идее движения, творчества, новизны. Но Уайтхед делает шаг дальше, распространяя принцип становления на всё существующее. У Ницше становление нередко окрашено в образ борьбы, преодоления, конфликта. Уайтхед подставляет вместо этого идею отклика, участия, сопряжённости, где событие рождается не через борьбу, а через соучастие.

Именно здесь раскрывается самое радикальное различие между философией Уайтхеда и всей линией западной метафизики, начиная с античности. Там спрашивали: что это? что за вещь стоит перед нами? Уайтхед спрашивает иначе: как это становится собой? какие отношения, какие отклики, какие выборы делают это возможным? Где не форма оформляет материю, а событие собирает в себе память о прошлом и свободу будущего.

Поэтому его философия оказывается не просто новой системой среди других. Она предлагает другой горизонт мысли, меняет само направление вопросов, переставляет акценты. Вместо описания мира через субстанции, вещи и их свойства, она приглашает видеть отношения, ритмы, отклики, события. Вместо поиска неизменного фундамента — внимание к хрупкому и живому процессу. Вместо механики — творчество. Вместо финала — открытость.

Классическая метафизика веками удерживала взгляд, привычный видеть время и пространство как готовые рамки, в которых разворачивается жизнь. Время в этой картине — линейная шкала, бесконечная череда мгновений, по которой события будто движутся, не меняя самой природы этой шкалы. Пространство — сцена, пустая коробка, нейтральная плоскость, на которой разыгрываются драмы движения, столкновений, перемещений. Смерть — финальная точка, конец пути, исчезновение, закрытие двери, за которой больше ничего нет.

Процессная философия Уайтхеда отказывается принимать эти представления как истину. Взгляд, привыкший фиксировать вещи, видеть в мире субстанции, ищет контейнеры для событий, полагает, что есть отдельные времена и пространства, в которые потом что-то складывается. Но если всё — процесс, если мир есть становление, тогда время и пространство не предшествуют событиям, а рождаются вместе с ними.

Время, по Уайтхеду, перестаёт быть фоном. Оно не течёт

где-то за спиной у происходящего, не существует как готовая шкала, по которой бегут события. Время — это не абстрактная линия, это сама последовательность становлений, сама ткань событийности. Прошлое — не архив, не склад мёртвых фактов. Прошлое — это память, живая энергия, интегрированная в каждый новый акт бытия. Настоящее — не тонкая ниточка между двумя пустотами. Это место встречи, узел, в котором сходятся отпечатки того, что было, и предложения того, что может быть. Будущее, в этом ритме, перестаёт быть готовым коридором, по которому следует двигаться. Оно — не данность, не написанный сценарий, а открытое пространство возможностей, приглашение к новизне, к выбору, который ещё не свершён.

Такое понимание времени разрушает идею предсказуемости как принципиальной возможности. Если будущее не заранее записано, если оно рождается только в момент отклика, в точке становления, тогда никакое знание не может полностью предугадать, каким будет следующий шаг мира. Здесь исчезает пространство для абсолютного контроля, для расчёта, обещающего увидеть вперёд всю линию событий. Здесь сохраняется поле для творчества, для неожиданности, для нового.

Пространство в этой системе тоже утрачивает статус пустой арены. Нет пустоты, ожидающей наполнения. Нет сцены, на которой расставлены актёры. Пространство существует лишь там, где есть отношения, взаимодействия, отклики. Пространственность — это не коробка, а сеть связей, структура соотнесённости, мера

взаимного влияния процессов друг на друга. Где нет событий — там нет и пространства, потому что само пространство рождается из согласованности откликов, из ритма взаимодействий.

Это понимание делает пространство не местом, а результатом отношений. Оно соткано из процессов, так же как время. Пространство и время оказываются не декорациями, но выражениями становления, не контейнерами, но продуктами самой событийной ткани мира.

И в этой же логике раскрывается иной взгляд на смерть. Если нет субстанций, если нет фиксированных сущностей, если каждое сущее — это акт становления, то и исчезновение не может мыслиться как распад чего-то цельного, как аннигиляция. Смерть перестаёт быть концом. Это не исчезновение, а завершение одного акта становления, переход его из зоны активного выбора в область памяти, в архив мира, который не закрыт, не мёртв, а продолжает работать как материал для следующих шагов.

Каждое событие, по Уайтхеду, прожив свой цикл, не исчезает бесследно. Оно входит в объективное бессмертие — становится частью мира, отпечатком, который сохраняется в ткани процесса, влияя на новые события, предлагая им свою память как материал для интеграции. Смерть здесь — не трагедия космоса, а завершённый аккорд, оставшийся звучать в следующей гармонии. Это не точка, не глухая стена. Это переход из

становящегося в состоявшееся, из актуального выбора в данность, с которой новые выборы будут иметь дело.

Такое понимание не предлагает утешения в привычном смысле, не обещает вечной жизни в форме сохранения прежней личности. Оно предлагает другой образ участия: никто не исчезает бесследно, потому что каждый акт, каждое становление становится частью памяти мира, частью того материала, из которого рождаются будущие события.

Быть живым, в такой картине, — значит находиться в процессе отклика, в состоянии выбора, в движении, которое соединяет прошлое с возможным. Быть умершим — не значит быть стёртым, а значит быть частью памяти, быть тем, что вплетается в дальнейшее творчество мира, оставляя свой след, свою тень, своё эхо.

Именно здесь устраняется сама почва для страха перед концом. Если ничто не исчезает в пустоту, если всё остаётся вплетённым в общее становление, страх теряет свою опору. Жизнь и смерть оказываются не противоположностями, не войной движения с остановкой, а двумя сторонами одного процесса, двумя фазами великой музыки бытия. Где становление звучит — там есть время, пространство, жизнь. Где акт завершился — остаётся память, остаётся данность, остаётся отпечаток, готовый войти в новое звучание.

Такое видение не призывает цепляться за фиксации, не

обещает защитить от окончания. Оно предлагает участвовать в процессе с открытым вниманием, с уважением к каждой ноте, к каждому выбору, к каждому отклику, понимая, что ни одно становление не теряется в пустоте, что каждое прожитое событие продолжает звучать, даже когда само уже умолкло. Мир, в этой философии, — не конструкция, не мёртвый механизм, не готовая сцена. Это симфония процессов, в которой каждая нота, даже прервавшись, остаётся частью общего движения, частью гармонии, продолжающейся за пределами её звучания.

Понимание Бога, которое предлагает Уайтхед, переворачивает не только метафизику, но и этику, и педагогическую мысль, и саму ткань религиозного воображения. Здесь рушится привычное разделение на управляющего и управляемого, на творца и творимое, на судью и подсудимого. В мире, который мыслится как становление, где всё, что существует, есть не готовая форма, но процесс выбора и отклика, невозможно удержать образ Бога как неподвижного вершителя судеб, отстранённого и холодного архитектора, диктующего каждому существу его путь.

В такой картине Бог перестаёт быть фигурой контроля. Его сила — не в власти приказывать, не в умении расставлять события по местам, но в способности звать, предлагать, увлекать к лучшему. Бог, в системе Уайтхеда, не стоит вне мира, не держит на расстоянии руку над процессами. Он вплетён в самую ткань становления, он существует, он не остаётся в стороне. Но его участие — не управление, а отклик, сопровождение,

терпеливое удерживание всех переживаний мира в своей памяти.

Бог имеет две стороны, два полюса. С одной — это источник возможностей, безграничное море вечных объектов, из которых каждое событие может черпать формы для своего раскрытия. Это пространство выбора, полное потенциалов, не диктующих, а предлагающих. С другой — Бог оказывается тем, кто вбирает в себя все отклики, все акты становления, каждую боль, каждую радость, каждое напряжение выбора. Он несёт в себе всё, что случилось, не забывая, не отвергая, не вычеркивая.

Именно поэтому зло в этой системе не оправдывается абстрактной целью. Здесь нет идеи, что страдание необходимо ради блага, нет концепции, что всё заранее задумано для высшего плана. Напротив, зло признаётся как реальность неудавшегося отклика, ограниченного выбора, нарушенного процесса. Но эта реальность не остаётся одинокой, не выпадает из поля внимания. В Боге она сохраняется, несётся вместе с миром, остаётся открытой к дальнейшему движению. Бог не может отменить чужой выбор, но он может вплести любой выбор в следующую возможность, не как оправдание, а как шанс на переработку.

Такое представление о Боге не оставляет места для ада в его классическом смысле — как вечного замораживания процесса, как точки, где больше ничего не меняется. Ад предполагает окончательное закрепление, завершённость. Но если становление никогда не

заканчивается, если всё, что было, остаётся частью ткани мира, тогда идея вечного наказания утрачивает смысл. В её место приходит другое — возможность вплетения даже самых тяжёлых выборов в дальнейшее становление, возможность превращения раны в источник нового отношения, не отменяя боли, но не оставляя её последним словом.

Это не наивное отрицание трагедии. Это не обещание, что всё обернётся благополучием. Это понимание, что даже в трагедии сохраняется шанс на отклик, на другое отношение, на продолжение. Это надежда не как ожидание чуда, не как просьба о помиловании, а как уверенность в том, что ничего не исчезает напрасно, что каждое событие оставляет отпечаток, который может стать материалом для новых выборов, для нового звучания.

Именно из этой теологии естественно вырастает другая этика — этика сопровождения, а не этика приговора. Если человек — не завершённая вещь, а процесс, если каждая личность есть открытый путь становления, тогда невозможно справедливо задать вопрос: «Кто этот человек?» Важно спрашивать иначе: «Где он сейчас в своём движении? Какой отклик возможен? Как можно поддержать его следующий шаг?»

Такое отношение меняет саму суть воспитания, выводит его из логики формовки и навязывания. В привычной педагогике взрослый часто мыслится как ремесленник, формирующий материал, как скульптор, придающий

форму пластичной массе. Но если нет субстанции, если личность не масса, а живой процесс, тогда педагогика перестаёт быть формовкой. Она превращается в искусство предложения, в создание пространства, где могут родиться отклики, где выбор остаётся свободным, но не оставленным на самотёк.

Это воспитание как сопровождение: не диктовать направление, а держать открытым поле возможностей, не ограничивать, а помогать услышать зов становления, не бояться неудачных шагов, но оставаться рядом, сохраняя внимание и уважение к процессу другого. Это работа не с «готовым человеком», не с набором качеств, а с движением, которое ещё продолжается, которое способно меняться, слышать, отвечать.

В такой этике ответственность перестаёт быть карательной. Она становится способностью откликнуться на нарушение связи, восстановить отношения, предложить путь к новому выбору. Не осудить — а помочь вернуться в процесс, не отторгнуть — а открыть возможность нового отклика.

Вера в этом пространстве перестаёт быть подчинением. Она становится формой участия, соавторства в общем деле мира. Это не страх перед судом, а внимательное соз创чество с Богом, который не повелевает, а предлагает, который не закрывает путь, а зовёт к свободному отклику.

Так философия Уайтхеда делает шаг за пределы привычной метафизики и привычной теологии. Она открывает горизонт, в котором нет последней точки, нет окончательной границы, где каждое становление, даже самое хрупкое, остаётся услышанным, где каждый выбор, даже самый тяжёлый, сохраняется в памяти мира как то, с чем можно работать, что может стать основой для следующего шага. Мир не построен. Мир строится. И Бог не над этим строительством, а в самом его сердце, как тишайший зов к возможности, как притяжение к гармонии, как память, которая не осуждает, но бережёт.

Такое мышление, прорастающее из философии Уайтхеда, уже давно интуитивно ощущается в тех областях человеческой практики, где люди не работают с вещами, но имеют дело с живыми процессами — с болью, надеждой, выбором, с историей других. Особенно остро это видно в психотерапии, где лучшие подходы давно перестали мыслить человека как механизм, нуждающийся в ремонте, как машину, которую можно наладить и вернуть в нормальное состояние. В логике процессной философии становится очевидно: не существует такого состояния, в которое надо вернуться. Нет прежнего «исправного» человека, потерянного из-за травмы, поломки, сбоя. Есть только процесс, который в какой-то момент оказался застывшим, замкнувшимся, потерявшим способность к движению дальше.

Травма, в этой картине, перестаёт быть пятном на предмете, неисправностью, требующей устранения. Она мыслится как застывшее становление, как процесс,

который не завершился откликом, не нашёл выхода, не был услышан. И потому исцеление здесь — это не удаление боли, не вырезание опыта, не отмена случившегося. Исцеление — это включение даже самых трудных переживаний в продолжающееся течение жизни, их переработка, их превращение в часть истории, которая может быть рассказана иначе, не как тупик, а как точка, из которой может продолжаться движение.

Такое понимание глубоко созвучно нарративной терапии, экзистенциальному подходу, гуманистической психологии, но философия Уайтхеда даёт этому целостное основание, выстраивая не просто набор техник, а мировоззрение, в котором человек изначально мыслится как процесс, как акт становления, всегда незавершённый, всегда открытый к новому выбору. В этой этике не стоит вопрос о том, каким «должен быть» человек. Важно — как помочь ему услышать своё собственное становление, как поддержать его свободу не в абстрактном смысле, а в реальной работе выбора, в реальной работе переработки своей памяти, своих травм, своих историй.

Та же логика меняет и подход к социальной политике. Там, где государственные машины привыкли мыслить общество как механизм, который можно починить, откорректировать, управляя людьми сверху, процессное мышление говорит: общество — это не конструкция, не схема, а сеть живых становлений, сложная ткань отношений, откликов, ритмов, которые невозможно унифицировать, невозможно втиснуть в одну форму. Здесь порядок не строится через насилие и дисциплину,

не поддерживается страхом и санкцией. Порядок становится пространством, которое даёт возможность для движения, для разнообразия, для согласования множества разных траекторий.

В такой политике границы остаются необходимыми, но сами границы перестают быть стенами. Они становятся берегами для русла, направляющими, но не запирающими. Это не отказ от ответственности, не утопия вседозволенности, а понимание, что устойчивость достигается не жёсткостью, не фиксацией, а способностью адаптироваться, слушать, изменяться, договариваться.

Отсюда возникает естественная критика наказательной юстиции, построенной на идее возмездия, на идее ярлыка: раз преступник, значит, преступник. В логике процессного мышления правосудие перестаёт быть судом над фиксированными личностями, превращается в восстановление отношений, в попытку услышать не только вред, но и историю, из которой он вырос, в предложение нового пространства для отклика, для исправления, для роста. Это не про безнаказанность, не про снятие границ. Это про понимание, что даже за самым разрушительным поступком стоит не субстанция зла, а неудавшийся процесс, остановившийся отклик, и что задача общества — не заморозить человека в статусе виновного, а создать условия, где возможен другой выбор.

Даже в экономике эта философия ведёт к сдвигу в

сторону кооперации, в сторону признания ценности гибкости, адаптации, взаимной поддержки вместо бесконечной конфронтации и конкуренции. Устойчивость системы здесь не в её монолитности, не в закостенелости, а в способности к диалогу, к перестройке, к услышанности. Это экономика, где важна не только прибыль, но и ритм взаимодействий, не только результат, но и процесс, не только конкуренция, но и согласованность движения.

Всё это вырастает из одного корня: из отказа видеть мир как склад вещей, как набор готовых субстанций. Из готовности видеть в человеке не результат, а становление, не предмет, а акт отклика. И если за этой картиной стоит Бог, то это Бог, который не устрашает и не властвует, а участвует, предлагает, слушает, сохраняет. Это не судья, а союзник надежды, не властелин, а спутник процесса.

Эта философия говорит: не нужно бояться незавершённости. Вся жизнь, каждый человек, каждое общество — не законченный проект, а открытый путь. Ошибки не отменяют возможность следующего шага. Боль не закрывает дорогу. Каждый отклик может стать началом новой линии становления. Даже разрушенное может быть вплетено в дальнейший процесс — не как оправдание, а как материал для роста.

Поэтому здесь исчезает иллюзия контроля. Ни Бог, ни общество, ни сам человек не могут гарантировать себе безупречного хода событий. Но каждый может

участвовать, поддерживать, помогать следующему шагу быть чуть более свободным, чуть более внимательным, чуть более полным.

Это делает этику живой, пластичной, не сводящейся к инструкциям. Она превращается в искусство присутствия, в искусство слушать, ждать, предлагать. Вера в этом пространстве становится не страхом перед наказанием, а внимательным соучастием в общем деле мира, в его продолжающемся строительстве, в этом дыхании процесса, где никто не завершён, никто не потерян, и каждая история всё ещё открыта.

Альфред Норт Уайтхед родился в 1861 году в приморском английском городке Рамсгейт, среди пейзажей, где небо склоняется к морю, а горизонт кажется открытым для всякого начала. С юности он тянулся к точности мысли, к чистоте формы, и потому его путь сначала лёг через математику, через строгую школу Тринити-колледжа Кембриджа, где он изучал не отвлечённые идеи, но искусство соизмерять, доказывать, выводить.

Начало его научной карьеры оказалось целиком посвящено математике и логике, где он показал себя не как любопытный наблюдатель, а как участник тех напряжённых усилий, которыми мысль на рубеже XIX и XX веков пыталась построить фундамент для всей математики. В этих поисках, продолжавших традицию логического анализа, Уайтхед работал вместе с Берtrandом Расселом над одним из самых амбициозных

проектов своего времени — созданием трёхтомного труда *Principia Mathematica* (1910–1913). Это было не просто изложение известных истин, а попытка выстроить математику как систему, полностью основанную на логике, собрать всю сложность математического знания в прозрачную и непротиворечивую схему.

Но именно этот опыт, одна из вершин логического позитивизма, стал для Уайтхеда отправной точкой для сомнения. Чем дальше он шёл по пути формальных систем, тем острее чувствовал: мир не исчерпывается схемами. Жизнь, движение, становление, рождение нового ускользают от логики, не сводятся к правилам и аксиомам. Этого напряжения между строгостью конструкции и живостью реальности хватило, чтобы его путь начал поворачивать от логики к философии.

Смена дисциплины не была резким жестом. Это был постепенный переход, в котором прежняя точность мысли не исчезла, но получила другое направление. С середины 1920-х годов Уайтхед окончательно перемещается в сферу философии. В 1924 году он принимает приглашение Гарвардского университета и переезжает в Соединённые Штаты, где занимает кафедру философии. Именно в Гарварде были прочитаны лекции, ставшие основой для его главного философского труда — *Process and Reality* («Процесс и реальность»), где он изложил своё видение мира как непрерывного становления, где отверг идею субстанций и предложил вместо этого картину бытия как сети событий, откликов и отношений.

Жизнь Уайтхеда в Америке проходила в обстановке вдумчивого труда, без громких жестов, без борьбы за влияние, столь характерной для философской сцены того времени. Его интересы не ограничивались академией: он размышлял о культуре, о науке, о религии, о социальной организации, удерживая в каждом из этих направлений ту самую нить — внимание к становлению, к процессу, к открытости будущего.

Альфред Норт Уайтхед скончался в 1947 году в Кембридже, штат Массачусетс, оставив после себя не только философские книги, но и редкий образ мыслителя, для которого философия была не борьбой систем, а искусством слышать, как рождается мир.

Философия Альфреда Норта Уайтхеда заняла в истории мысли парадоксальное место: оказавшись на пересечении аналитической традиции, с которой он был связан через свои математические работы, и метафизического поиска, гораздо ближе стоящего к континентальному стилю мышления, она вызвала одновременно восхищение и недоумение, уважение и резкую критику. Её влияние оказалось разветвлённым, не всегда очевидным, но во многих областях — глубоким и продолжающимся.

Среди основных заслуг Уайтхеда чаще всего отмечают его радикальный пересмотр самой идеи метафизики. В эпоху, когда философия всё чаще склонялась либо к

логическому анализу, либо к историко-критическому разбору понятий, он предложил новую картину реальности, способную соединить физику, онтологию, этику и богословие в единую систему. Его попытка преодолеть дуализм материи и духа, отказ от жесткой противопоставленности «мертвого» и «живого», «естественного» и «божественного», открыла путь для тех направлений, которые позднее будут названы процессной философией и процессной теологией. Здесь Уайтхед показал мир не как арену взаимодействующих субстанций, а как динамическую сеть становлений, где всё, что существует, есть процесс, отклик, выбор.

Такой подход оказал влияние далеко за пределами академической философии. Он стал важной опорой для развития системного мышления, организма, философии экологии, вдохновляя представление о мире не как о механизме, но как об организме — живом, гибком, способном к адаптации и росту. Именно это мышление стало одной из основ экотеологии, подчеркнувшей ценность не только человека, но и природы как участника общего процесса бытия.

Философия Уайтхеда внесла значительный вклад и в богословские дискуссии, породив новое направление — процессную теологию. Здесь образ Бога радикально отличается от классической модели всемогущего вершителя судеб. Бог в этой системе не действует через насилие и приказы, не предопределяет исходы, а предлагает возможности, взывает к свободному выбору, участвует в становлении мира как чуткий собеседник, как хранитель памяти и источник новых форм. Эта идея

вдохновила таких теологов, как Чарльз Хартсхорн, Джон Кобб, Дэвид Гриффин, став фундаментом для богословия, в котором исчезает место для вечного наказания и утверждается надежда на непрерывное продолжение, на возможность вплетения даже боли в дальнейшее созидание.

Наука, особенно в XX веке, столкнулась с кризисом прежних механистических моделей. В этом контексте идеи Уайтхеда, несмотря на то, что он не строил собственных физических теорий, оказались удивительно созвучны многим открытиям квантовой механики и теории относительности. Его образ реальности как сети событий, зависящих от отношений и откликов, перекликался с пониманием пространства и времени не как нейтральных контейнеров, а как элементов, вовлечённых в сам процесс взаимодействий. Эта линия предвосхитила подходы системной теории и кибернетики, сыграв роль в осмыслиении новых метафор для описания Вселенной.

Однако философия Уайтхеда вызывала и остаётся вызывать немало критических отзывов. Одной из самых частых претензий к его работам остаётся сложность языка, перегруженность терминологией, громоздкость изложения. Его тексты требуют большой интеллектуальной работы и далеко не всегда открываются сразу даже подготовленному читателю. Особенно это касалось его главного труда *Process and Reality*, где слои понятий накладываются друг на друга, создавая нередко ощущение тяжеловесности и недоступности.

Со стороны аналитической философии звучали обвинения в спекулятивности, в недостатке логической строгости, в неясности ключевых понятий. Там, где аналитическая традиция требовала прозрачности и доказательств, Уайтхед нередко предлагал описания, которые казались скорее образами, чем аргументами. Его философия, оказавшись между аналитическим и континентальным стилями мысли, не была до конца принята ни в одной из этих школ.

Некоторые критики рассматривали процессную философию как излишне теистическую, упрекая её в том, что даже в попытке отказаться от классического образа Бога она всё равно сохраняет божественную фигуру как центральную. Эта претензия особенно часто звучала от сторонников радикального секуляризма, для которых любая апелляция к трансцендентному оставалась неприемлемой.

Тем не менее именно эта особая позиция Уайтхеда — между строгим рационализмом и вниманием к опыту, между анализом и поэтикой, между философией науки и философией религии — позволила его идеям оказать влияние в самых разных сферах. Влияние, не всегда сразу признаваемое, но глубоко врезавшееся в современное мышление: в экологии, в этике отношений и заботы, в критике технократии, в постгуманистических моделях реальности, в новых подходах к психологии и теории сознания.

Сегодня идеи Уайтхеда находят отклик в обсуждениях о природе сознания, о сложности и гибкости живых систем, о возможности ненасильственного сосуществования множества ритмов и форм жизни. Они становятся частью диалога между метафизикой и нейронаукой, между этикой и экологией, между философией процесса и социальной практикой.

Открывая картину мира, где ничто не заключено в раз и навсегда установленную форму, где даже Бог не диктует, а предлагаёт, Уайтхед оставил после себя философию, которая не замыкает, а приглашает к движению, к продолжению разговора, к участию в общем деле становления. Именно это делает его мысль живой даже там, где она кажется трудной или чуждой привычному стилю философского письма.

Современный человек живёт среди машин, прогнозов, алгоритмов, окружающий себя точными вычислениями и уверенными рецептами, как будто мир можно свести к схеме, свести к ясной формуле, свести к инструкции. Казалось бы, рациональность победила. Казалось бы, ответы даны. Казалось бы, нет больше вопросов. Однако чем громче звучат слова о прогрессе, о научном уме, о контроле над природой, тем явственнее проступает неустранимое напряжение: под этим фасадом — страх, одиночество, растерянность перед самими собой. Умев лечить тело, этот мир часто остаётся беспомощным перед болью памяти, перед вопросом утрат, перед тем, как жить не только эффективно, но и осмысленно.

Наука научила измерять. Техника научила производить.

Экономика научила обмениваться. Но все эти знания обходят стороной то, что для человека остаётся центральным: зачем? ради чего? как соотнести всё это с собственной хрупкостью, с утратами, с надеждой? На эти вопросы не отвечает точность, не отвечает удобство, не отвечает накопление.

Оставшись без ответа, современная культура подчас предлагает две противоположные, но в равной степени неглубокие реакции. С одной стороны — наивный позитивизм, упорно повторяющий: верь в себя, всё получится, мысли позитивно, не смотри в тёмные стороны жизни. С другой — нигилизм, спокойно утверждающий: всё бессмысленно, ничего не имеет значения, утраты окончательны, надежда — самообман. Первая позиция боится смотреть в глаза трагедии, вторая не позволяет трагедии перерasti в нечто большее, превратив боль в окончательный приговор.

Именно здесь, в этом разрыве между поверхностным оптимизмом и парализующим отчаянием, философия Уайтхеда звучит как голос третьего пути, голос, не столь громкий, как призывы догматов, но устойчивый и настойчивый. Этот голос не даёт ложного утешения, не говорит, что всё будет хорошо, но и не соглашается с тем, что всё обречено. Он говорит: да, боль есть, ошибки есть, несовершенство — неотъемлемая часть становления. Но именно потому, что мир не построен, а строится, каждый шаг имеет значение, каждый выбор вплетается в эту работу бытия, и никакое событие не остаётся без отклика.

В этой мысли нет призыва отвернуться от сложности, нет стремления заклеить рану пустыми формулами утешения. Напротив, здесь есть предложение участвовать. Быть не сторонним свидетелем, не получателем готовых смыслов, но живым участником процесса, в котором нет окончательной формы, нет застывшего итога. Здесь нет почвы для высокомерного приговора — ни себе, ни другим. Нет места для окончательной ярлыковой схемы, для окончательного разделения на правых и неправых, на завершённых и потерянных. Всё продолжается. Всё ещё может откликнуться иначе.

Этот взгляд снимает надежду на простые опоры — на вечные субстанции, на жёсткие конструкции, на готовые ответы. Но предлагает опору более глубокую: не в стабильности вещей, а в живом движении, в способности к отклику, к творчеству, к переработке даже самых трудных опытов. В самой готовности продолжать участвовать, даже там, где боль, даже там, где нет гарантий.

Философия Уайтхеда действительно занимает особое, промежуточное положение между двумя крайностями, определившими во многом облик метафизики XX века. С одной стороны — блок вселенной, картина мира, предложенная Эйнштейном и развивающаяся в релятивистской физике, где прошлое, настоящее и будущее существуют одинаково, где время перестаёт быть процессом, а превращается в четвёртое измерение,

в структуру, неподвижную и завершённую. С другой — радикальные формы этернизма, стремящиеся к идее вечного возвращения, вечной повторяемости, замкнутого цикла, где новизна оказывается иллюзией, а становление — лишь оборотом в неизменном колесе.

Но Уайтхед сознательно не доходит ни до одной из этих позиций. Его философия, обладая всеми средствами, чтобы сделать шаг в сторону онтологической замкнутости, всё же отказывается от этого шага. Он не признаёт ни вселенной как застывшего целого, раз и навсегда данного, ни мира как вечного повтора одного и того же. Вместо этого он предлагает картину, в которой реальность сохраняет открытость, а становление остаётся реальным, а не иллюзорным.

Именно здесь Уайтхед, можно сказать, делает уступку человеку, не в смысле сентиментальной привязанности к человеческому положению в мире, но в смысле признания ценности живого опыта, ценности восприятия, выбора, свободы. Он сознательно выбирает взгляд, в котором процессы не замыкаются в круг, не застывают в блок, а продолжают быть полями открытых возможностей. Это не просто философская вежливость по отношению к субъекту восприятия, но признание, что восприятие само есть часть ткани реальности, а не его случайная иллюзия.

В этом решении слышится отказ подчинить становление видимости вечного порядка. Там, где блок вселенной требует принять завершённость мира, где прошлое,

настоящее и будущее одинаково включены в статичную конструкцию, Уайтхед говорит: нет, будущее ещё не существует. Оно не часть готового куба бытия, а поле возможностей, которое открывается в каждом новом отклике. Там, где этернитм зовёт к принятию повторяемости как закона, Уайтхед утверждает реальность новизны, которая не выводится из прошлого, но рождается в точке выбора.

Эта позиция не отрицает уважения к математической строгости или к физической картине мира, но оставляет за живым процессом право быть не иллюзией, а самой тканью бытия. В этом смысле философия Уайтхеда не становится альтернативой науке, но сохраняет за метафизикой право говорить о том, что наука не может уловить в своих уравнениях: о неопределенности грядущего, о свободе выбора, о ценности нового.

Такое решение можно считать остановкой на полпути только если мерить философию по шкале, где блок вселенной или вечный повтор — конечные и обязательные пункты маршрута. Но Уайтхед выбирает другой маршрут, в котором именно незавершённость становится принципом. Он отказывается от завершённости не из слабости аргумента, а потому, что сама завершённость противоречила бы сердцевине его мысли — идее мира как продолжающегося отклика, как открытого движения.

Это не наивная уступка восприятию, не философская слабость перед опытом человека, но признание, что

становление не исчезает в абстрактной схеме, что живое событие не растворяется в графике координат. Мир не дан. Мир делается. И даже если мыслим его в самых строгих моделях, сам акт мышления — это тоже событие, тоже процесс, тоже часть этой нескончаемой работы становления.

Именно здесь Уайтхед остаётся принципиально верен своему выбору: не объяснять становление через покой, не объяснять движение через застывшую форму, но удерживать взгляд на том, что всё продолжается. Не фиксировать бытие как структуру, но слышать его как музыку.

Современный человек часто жаждет финала, жаждет ясности, жаждет законченности. Кто выиграл? Кто виноват? Кто прав? Кто заслуживает? Философия процесса отказывается подчиняться этой страсти к заключённости. Она предлагает другой образ: не ищи последней победы, не ставь точку. Смотри, как продолжается становление. Смотри, как даже поражение может стать откликом, как даже ошибка может быть вплетена в следующий выбор.

Это не религия страха. Это не идеология контроля. Это не утопия. Это трезвый, внимательный взгляд на жизнь, в которой свобода, необходимость, боль и надежда не отвергают друг друга, но переплетены, составляя единую ткань мира. В этой ткани не существует застывших ролей, потому что никто не завершён, никто не определён окончательно.

Философия процесса становится здесь не отвлечённой теорией, не абстрактной онтологией, а практикой надежды — не в смысле ожидания чуда, а в смысле готовности участвовать, готовности слышать, готовности продолжать диалог с миром, который не будет закончен, и именно в этом открывает своё значение.

Возможно, время Уайтхеда наступает именно теперь, когда усталость от простых догматов, от истерики лозунгов, от тирании ярлыков стала ощутимой. Когда оказалось, что нужна не сила, чтобы победить, и не страх, чтобы подчинить, но терпение и внимание, чтобы услышать мир, который не завершён, который всё ещё строится.

И в этом строительстве нет последней инстанции, нет единственного архитектора, нет дистанцированного бога-командующего. Здесь Бог — не вершина, но спутник. Не судья, но участник. Не диктатор, но поэт возможностей. Тот, кто предлагает, кто хранит, кто помнит, кто ждёт отклика.

В этой философии надежда — не обещание лёгкого исхода. Это приглашение не уходить. Приглашение продолжать быть в ответе. Приглашение участвовать в великом движении становления, где никто не исключён, где никто не потерян, где всё остаётся открытым для следующего шага.

Приглашаю вас ознакомиться с моей статьей "Halfway to the block universe: Whitehead's philosophy between process and eternalism" («На полпути к блочному универсуму: Философия Уайтхеда между процессом и этернализмом»), опубликованной в The Common Sense World. В этой работе я исследую, как метафизика Альфреда Норта Уайтхеда позволяет удержать равновесие между детерминизмом и свободой воли, и почему это имеет глубокое значение для человеческого опыта. Надеюсь, статья вызовет у вас интерес и станет поводом для размышлений о природе времени, процесса и выбора.

Лично для меня философия Уайтхеда остаётся одновременно важной и проблематичной. Я высоко ценю его усилие освободить метафизику от мёртвых конструкций субстанциального мышления, его попытку мыслить мир как процесс, как становление, как открытость, а не как набор вещей, раз и навсегда определённых своими свойствами. В этом я вижу одно из самых честных и тонко настроенных движений мысли, которое действительно откликается на вызовы модерна — на разрыв между наукой и опытом, между физической картиной мира и человеческим переживанием времени, боли, выбора.

И всё же в этой системе меня не покидает ощущение, что она остановилась на полпути, не доведя до конца собственную радикальность. Уайтхед не делает последнего шага, чтобы признать, что любое становление уже всегда вписано в структуру целого. Его защита процесса во многом опирается на уступку

человеческому восприятию времени, на доверие к интуиции переживания, тогда как с точки зрения строгой метафизики блок вселенной остаётся более последовательной схемой.

Особенно это касается образа Бога в системе Уайтхеда. Мне близка его попытка избежать насильтственного всемогущества, отказаться от представления о Боге как диктующем архитекторе. Но когда Бог встраивается в процесс и начинает зависеть от становления мира, когда он переживает вместе с миром, я ощущаю, что это не столько философский ход, сколько отклик на человеческую потребность в утешении, в сопереживающем божестве. И здесь для меня возникает сомнение: не смягчает ли Уайтхед радикальность своего онтологического проекта ради этической симпатии к человеческой боли? Не уступает ли он слишком много чувству, там где нужна была бы полная строгость мысли?

И всё же я не могу не признать, что в самой этой "незавершённости", в нежелании замкнуть систему, есть нечто глубоко честное. Это философия, которая не спешит с выводами, не подменяет диалог схемой. Может быть, именно эта остановка "на полпути" — не ошибка, а сознательный выбор. Выбор в пользу открытости, в пользу сопричастности, в пользу соразмерности мысли человеческому положению в мире. Но для меня этот выбор остаётся спорным, требующим постоянного внутреннего уточнения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barbour, I. G. (1997). Religion and science: Historical and contemporary issues. HarperSanFrancisco.
- Cobb, J. B., Jr., & Griffin, D. R. (1976). Process theology: An introductory exposition. Westminster Press.
- Deleuze, G. (1993). The fold: Leibniz and the baroque (T. Conley, Trans.). University of Minnesota Press.
- Ford, L. S. (1984). The lure of God: A biblical background for process theology. Fortress Press.
- García-Rivera, A. (1999). The community of the beautiful: A theological aesthetics. Liturgical Press.
- Griffin, D. R. (Ed.). (1986). Founders of constructive postmodern philosophy: Peirce, James, Bergson, Whitehead, and Hartshorne. SUNY Press.
- Griffin, D. R. (1998). Unsnarling the world-knot: Consciousness, freedom, and the mind-body problem. University of California Press.
- Griffin, D. R., & Sherburne, D. W. (Eds.). (1978). Process and reality: An essay in cosmology (Corrected ed.). Free Press. (Original work published 1929 by A. N. Whitehead)
- Hartshorne, C. (1964). Omnipotence and other theological mistakes. SUNY Press.
- Hartshorne, C. (1972). Whitehead's philosophy: Selected essays, 1935–1970. Macmillan.
- Hawking, S., & Ellis, G. F. R. (1973). The large scale structure of space-time. Cambridge University Press.

- Hicks, M. (2020). *Eternalism and the metaphysics of time*. Cambridge University Press.
- Krauss, L. M. (2012). *A universe from nothing: Why there is something rather than nothing*. Free Press.
- Kriger, B. (2025). *Halfway to the block universe: Whitehead's philosophy between process and eternalism. The Common Sense World*
- Lango, J. W. (2013). *God, the future, and the power of becoming*. Palgrave Macmillan.
- Lewis, D. (1976). The paradoxes of time travel. *American Philosophical Quarterly*, 13(2), 145–152.
- Lombardo, F. (2019). *Time, space, and the block universe*. Springer.
- McDaniel, J. B. (2017). *Of God and Pelicans: A theology of reverence for life*. Westminster John Knox Press.
- McTaggart, J. M. E. (1908). The unreality of time. *Mind*, 17(68), 457–474.
- Neville, R. C. (2013). *Ultimates: Philosophical theology*. SUNY Press.
- Nietzsche, F. (2006). *Thus spoke Zarathustra* (G. Parkes, Trans.). Oxford University Press. (Original work published 1883–1885)
- Popper, K. (1965). *The logic of scientific discovery* (2nd ed.). Harper Torchbooks.
- Prigogine, I., & Stengers, I. (1984). *Order out of chaos: Man's new dialogue with nature*. Bantam.
- Price, H. (1996). *Time's arrow and Archimedes' point: New directions for the physics of time*. Oxford University Press.

- Rescher, N. (1996). *Process metaphysics: An introduction to process philosophy*. SUNY Press.
- Russell, B., & Whitehead, A. N. (1910–1913). *Principia mathematica* (Vols. 1–3). Cambridge University Press.
- Sherburne, D. W. (Ed.). (1966). *A key to Whitehead's "Process and reality"*. Macmillan.
- Sider, T. (2001). *Four-dimensionalism: An ontology of persistence and time*. Oxford University Press.
- Stapp, H. P. (2007). *Mindful universe: Quantum mechanics and the participatory observer*. Springer.
- Stengers, I. (2011). *Thinking with Whitehead: A free and wild creation of concepts* (M. Chase, Trans.). Harvard University Press.
- Stein, H. (1968). On Einstein-Minkowski space-time. *The Journal of Philosophy*, 65(5), 5–23.
- Torrance, A. J., & Zachhuber, J. (Eds.). (2020). *Individuality and subjectivity in classical and modern thought*. Oxford University Press.
- Whitehead, A. N. (1920). *The concept of nature*. Cambridge University Press.
- Whitehead, A. N. (1925). *Science and the modern world*. Free Press.
- Whitehead, A. N. (1929). *Process and reality: An essay in cosmology*. Macmillan.
- Whitehead, A. N. (1933). *Adventures of ideas*. Free Press.
- Wolterstorff, N. (1975). *God and the ethics of belief*. Cambridge University Press.
- Zimmerman, D. W. (2011). *Presentism and the space-time*

manifold. In C. Callender (Ed.), *The Oxford handbook of philosophy of time* (pp. 163–244). Oxford University Press.